

первое. Онъ нерасторжимо связанъ съ той первозданностью, которую мы, люди, уже застали и узнали. Его реализмъ не литературное направление, а что-то идущее отъ земли, отъ вселенной, отъ предвѣчнаго. Его простое не методъ художника: оно имѣть углубленный, вѣщий, философскій смыслъ; это—метафизически-простое, это—восприятіе перво-сущности, субстанціи, основныхъ элементовъ бытія. Житель до-городского міра, старожиль вселенной, ровесникъ природы-деревни, Толстой, точно минуя промежутки, исторію, выросъ прямо изъ первобытности и безо всякихъ посредниковъ, поверхъ много-вѣковой культуры человѣчества, смотритъ прямо въ глаза космической изначальности, своей древней матери. Для Маѳусаила, для мірового первопоселенца, современника Богу, можетъ ли всякое просвѣщеніе и сознаніе, и образованность не быть чѣмъ-то вторичнымъ и второстепеннымъ, чѣмъ-то ненастоящимъ и ненадежнымъ? Толстой вѣрить только тому, что—первое. Такъ восходитъ его народничество къ первымъ днямъ творенія. Не просто деревенскій быть интересуетъ его, а лучше всего сказывающееся именно въ этомъ бытіе.

И оттого близки, не посторонни Толстому этотъ ямщикъ Тихонъ со своими ловкими руками, въ которыхъ все спорилось и ладило, „точно все было намаслено“, и которые распрягли лошадей, „захлеснули, развожжали, разсупонили, вывели“ (Толстой не допускаетъ мысли, чтобы кто-нибудь не